

УДК 821.161.1-14'37"19"

DOI 10.25688/2076-913X.2020.40.4.03

А. А. Кинаш,
Г. И. Романова

Пейзажная лексика в поэзии Б. А. Ахмадулиной как носитель индивидуально-авторских коннотаций

В статье дана структурно-семантическая характеристика пейзажной лексики как ключевого компонента художественного мира лирики Б. Ахмадулиной. Анализируется специфика особого пласта лексики, которая определяется как пейзажная. Представлены принципы ее дифференциации по семантическому и стилистическому признакам с учетом текстового расширения значения слова.

Ключевые слова: Б. Ахмадулина; лирический субъект; картина мира; пейзаж; лексика.

Интерес исследователей к лирике Б. А. Ахмадулиной как феномену литературы шестидесятников не угасает до наших дней [4, 9, 10, 14–15, 18]. В ХХI в. творчество поэтессы изучается в разных аспектах: рассматриваются особенности стихосложения, его метрические и ритмические особенности, семантика строфичности, жанровое и композиционное своеобразие, интертекстуальные переклички [11]. Однако остается ряд проблем, связанных с тем, что популярные в широких читательских кругах и включенные в школьные программы тексты требуют новой интерпретации, в то время как «не выработана поэтическая “формула” поэзии Ахмадулиной», которая «могла бы дать стимул к дальнейшему изучению ее художественного мира» [13, с. 122]. А это значит, что остается целый ряд нерешенных вопросов. Важнейшая из них — пристальный анализ картины мира автора и лирического субъекта, роли и семантики природы в лирике поэтессы, специфика ее «пейзажного дискурса» [12, 21].

Природа и ее явления находятся на вершине иерархии ценностей в поэтическом мире Ахмадулиной. Пейзажная лексика прямо или опосредованно передает мироощущение, этические и нравственные представления автора и лирического героя. Пейзаж и средства его изображения (номинации, словесные образы, концепты, мотивы) в лирике соотносятся с авторской картиной мира, являются важнейшим способом характеристики лирического субъекта [17, 7–6, 20]. Этим объясняется пристальное внимание исследователей к особенностям художественной речи лирических произведений, в частности ее лексическому составу, использование подхода, охарактеризованного

современным исследователем как «движение от текста — к смыслу, от типовых значений — к индивидуальным, от общих свойств языка — к специфическим чертам русского языка, отражающим особенности национального сознания (“правду народа”), от логической структуры дискурса — к стилевым особенностям авторского текста» [5, с. 15]. Анализ пейзажной лексики позволяет не только выявить специфический колорит поэзии, но и в конечном счете особенности картины мира. Изучение картины (модели) мира поэта — глубокая философская проблема, связанная с вопросами о мышлении и специфике воплощения в языке [8, 16]. По мнению ученых, «наиболее эффективными способами суггестивного воздействия... являются слова, обладающие высокой степенью абстракции, и слова с вещественным значением» [19, с. 34], к которым можно отнести обозначения конкретных природных явлений. В лирике Ахмадулиной пейзажные образы, концепты, мотивы несут значительную смысловую нагрузку, что традиционно для русской поэзии [7, 20–21]. Не менее важным представляется анализ пейзажной лексики, которую можно объединить в группы, выделяемые на основе частотности употребления в тексте, основываясь на классификации пейзажной лексики, предложенной М. Н. Эпштейном. Это авторские пейзажные элементы, которые представляют собой, во-первых, хронотоп, во-вторых, являют часть художественного мира, в-третьих, выполняют сюжетную функцию. В целом они составляют значительную область образной системы в художественном пространстве автора.

В хронотопической лексике самыми частотными определениями стали слова, обозначающие время. Это времена года, данные иногда с оценочными эпитетами («Плохая весна», 1967; «Зима», 1961), месяцы (часто май и июнь: «Мне дан июнь холодный...», 1985; «Тому назад два года, но в июне...», 1987; «Сентябрь», 1960), отдельные дни («29-й день февраля»; «Суббота в Тарусе», 1983), время суток («Сумерки», 1966; «Ночь», 1965). Однако, как это характерно для художественного творчества, данные обозначения вполне условны:

Какие новости у вас в календаре?
А, впрочем, мне до них какое дело —
И в январе живу, как в сентябре,
Настойчиво и оголтело.

«Сентябрь» [3, с. 246]

Обозначая пространство, Ахмадулина использует также реальные топонимы: «Гагра, кафе “Рица”» (1979); «Москва, дом на Беговой улице» (1983), «Переделкино после разлуки» (1977), «Венеция моя» (1988) и многие другие. Однако эти указания лирически-условные, названные произведения посвящены выдающимся творческим личностям: С. Нейгаузу, Ф. Искандеру, В. Аксенову, И. Бродскому и др. Условность топонимики наиболее отчетливо проступает в названиях сборников стихов: «Сны о Грузии» (1977), «Воспоминание о Ялте» (1969) и др.

В стихотворении «В тот месяц май...» (1959) передано представление о цикличности природы и человеческой жизни. Годовому кругу времени

от поздней весны (май) до ранней (март) соответствуют изменения в ощущениях героини. Акцент на майской, детской «легкости» и радости, которой посвящено два катрена, сменяется более спокойной, как бы равнодушной интонацией умудренной зрелости. Ноту тревоги и драматизма вносит упоминание о взгляде, который становится «и проницательней и строже» и утяжеляет восприятие жизни, открывает «тайны дня». Появление слова «старость» в соседстве с оксюмороном «черный снег», эпитетом «скушный» (так!) [3, с. 11], который вместе с образом женщин с вязаньем напоминает о мифических Парках, прядущих пряжу человеческой жизни, и неожиданном, но закономерном обрыве. Ощущение вечного и нескончаемого движения по кругу передано в последнем четверостишии, с введением образа «чужого дитя», начинающего свой жизненный путь в неведении, «не наблюдая клумб и грядок» [3, с. 12]. Хронотоп стихотворения легко соотносится с традиционной аллегорией человеческой жизни (утро – детство, день – зрелость, вечер – старость), с циклической моделью времени. «Счастливое предвкушение» сменяется «проницательным взглядом», постижение «“тайн” жизни» [Там же] в конце концов приводит к философскому равнодушию, повторяя основные вехи сюжета взросления.

Таким образом, в миниатюре нет пейзажа как такового, но обилие «природной» лексики создает богатый ассоциативный план, напоминающий читателям о весне: о марте, когда «грачи галдят», о мае с его «легкостью», «клумбами и грядками». При этом зима не упоминается, а лето и осень полностью переводятся в субъектный план, мудрость и равнодушие не реализованы в картинах природы, что сказывается на общем настрое стихотворения — оптимистическом и жизнерадостном.

Природное явление как персонаж, олицетворение изображено в произведениях 1960-х гг., таких как «Сказка о дожде в нескольких эпизодах с диалогами и хором детей» (1962), «Поступок розы» (1985) и др. В стихотворении «Зима» (1961) в восприятии лирического героя природное явление становится субъектом, наделяется «жестами», «холодными и прилежными», действиями — может колдовать, целовать, а также завидными качествами — умением залечивать эмоциональный недуг. Едва намечен лирический сюжет — обманутый герой мечтает об излечении от недоверия, охладев к жизни, устранив себя, «сравняться с зимним днем» [3, с. 13]. Как оказывается, смыслом отношений с олицетворенным природным субъектом является желание раствориться в нем, «остыть», стать равнодушной, «свести себя на нет», чтобы не утратить доверия и доверчивости, умения «прощать» [Там же]. В этом стихотворении использовано и трансформировано традиционное представление о зиме как бесстрастном умиротворении и замирании природы, об иллюзии тепла и покоя при бесповоротном замерзании.

Хронотопическую функцию выполняют и наименования растений (211 словоупотреблений), среди которых преобладают номинации цветов и деревьев (89), представляющих один из значительных лексических слоев в лирике Ахмадулиной. Образы растений выполняют определенные функции в специфическом лирическом сюжете и в создании характера лирического субъекта.

Рассмотрим наиболее знаковые (в плане авторского видения) произведения автора. В стихотворении «Цветы» (1956) многозначителен центральный образ оранжерейных, тепличных цветов. Учитывая специфику поэтики «оттепели», можно трактовать этот образ как аллегорический, эксплицирующий социальную ситуацию и шкалу ценностей. Замена слова «цветы» местоимением третьего лица единственного числа позволяет перевести природную реалию в субъектную сферу. Автор использовал традиционный прием психологического параллелизма, который нужен для более глубокого показа характера и переживаний лирического субъекта. Цветы в стихотворении — продукт искусственного выращивания: «их корни сытые жирели / и были лепестки тонки», «им дали света и земли», «их дарят празднично на память» [1, с. 7], что вызывает ассоциации с судьбой осыпанной «низменными» материальными благами личности. Пласт лексики, связанный с природой, — мокрая земля, корни, шмель, цветы, сады — вызывает в памяти читателей представление о пышных праздничных букетах. Однако оценка такой жизни — «мне страшно их судьбы» [1, с. 7] — выявляет подтекст и стремление лирической героини осмыслить перспективы, цену и сущность этой, на первый взгляд, благополучной, сытой жизни. Центральный образ вызывает литературные ассоциации, напоминая читателям известную фразу о детях как цветах жизни, являющуюся фразеологизмом и «стертой» реминисценцией из рассказа М. Горького «Бывшие люди» (1897). С точки зрения коммуникации совершается их сопоставление, что дает автору возможность поставить своего лирического героя перед выбором, сложным когнитивным актом, через призму которого выявляется авторская позиция. Прочтение стихотворения в указанном ракурсе дает основания для его интерпретации в автобиографическом плане.

В работах, посвященных образной системе Ахмадулиной, констатируется, что образ сада оказывается наиболее символичным и значимым в художественном пространстве, что соответствует мировой литературной традиции. Однако в ее лирике сад получает новое значение, переплетаясь с мотивом уединенности:

...мне выпала отрада
Жить в замкнутости дома и семьи,
Расширенной прекрасным кругом сада.
«Случилось так...», 1964 [3, с. 28]

Казалось бы, можно говорить о преобладании в художественном мире образов «природы окультуренной». Однако в количественном отношении не меньше использованы слова, связанные с концептом лес. Сад — двадцать позиций, лес — восемнадцать.

...маленький лес
просил подаяния снега [2, с. 199].

Я вытяну луну из-за лесов [2, с. 200].

Более того, поэтесса не обошла вниманием и гораздо менее поэтичные овраги, ее взгляд и мысль замечает «беспамятный овраг и обморочный сад» («Черемуха») [1, с. 282].

Что касается номинаций деревьев и кустарников, то лирическая героиня явно выделяет *черемуху* и *сирень*, которые преобладают (судя по количеству словупотреблений — шестнадцать и двенадцать раз). Особый интерес вызывает образ черемухи, традиционный в русской пейзажной лирике (И. Никитин «Черемуха», С. Есенин «Черемуха», Б. Пастернак «Весенний дождь», О. Мандельштам «На меня нацелилась груша да черемуха...», А. Кушнер «Черемуха» и др.). Заглавия целого ряда стихотворений Ахмадулиной включают это наименование, что позволяет рассматривать концепт как доминанту среди других видовых номинаций природного мира в ее поэзии. Наименование кустарника или дерева, весной покрытого душистыми белыми гроздьями, не только связано с различными переживаниями героини, но и несет черты специфики авторского мировидения. Так, в стихотворении «Строгость пространства» читаем: «До света досижу и дольше — *до черемух*» [1, с. 273] (выделено нами. — А. К., Г. Р.). Этот образ благодаря автоцитации получает развитие в другом стихотворении — «Черемуха» (1981):

...сказала: досижу, чтоб ночи отслужить,
до утренней зари и дольше — до черемух,
подумав: досижу, коль бог пошлет дожить [1, с. 282].

Отметим, что здесь использован прием трансформации распространенного фразеологизма «до первых петухов» (указывающего время суток — до утра) в неожиданное выражение «до черемух», окказионализм — индивидуально-авторский неологизм, обозначающий время года (время цветения черемухи; до черемух т. е. до мая), отражающий авторское восприятие природного мира. Форма множественного числа слова *черемуха* — *черемухи* является у Ахмадулиной репрезентацией концепта «весна», наполняясь традиционным символическим значением молодости и влюбленности.

Существительное *цветок* меняется в дальнейшем на местоимение «она». Природная реалья становится знаком субъектной сферы. При этом Ахмадулина исключает свою героиню из пейзажного пространства и переводит в иную плоскость: «над ней лицо и лампа» [1, с. 282]. Омонимия в художественной речи как бы указывает на единство пейзажа и интерьера — среды обитания поэта. Этот характерный прием можно найти в стихотворении «Черемуха предпоследняя» (1981) и ряде других.

Таким образом, анализ мотивов природы и соответствующей лексики в поэтическом дискурсе Ахмадулиной способствует выявлению доминанты авторской художественной картины мира, в которой образы растительных реалий приобретают особую выразительность. Взаимосвязь с живой природой они сохраняют исключительно на глубинном семантическом уровне. Пейзажная лексика передает авторскую мысль и настроение, порой используется в качестве изобразительно-выразительных средств (метафор и метафорических

эпитетов, метонимий, перифраз), благодаря чему образная палитра приобретает смысловую специфику и разнообразие.

Библиографический список

Источники

1. Ахмадулина Б. А. Соч.: в 3 т. Т. 1: Стихотворения: 1954–1979. Переводы из грузинской поэзии. Рассказы. М.: Пан; Корона-принт, 1997. 630 с.
2. Ахмадулина Б. А. Соч.: в 3 т. Т. 2: Стихотворения 1980–1996. Переводы. Воспоминания. М.: Пан; Корона-принт, 1997. 638 с.
3. Ахмадулина Б. А. Друзей моих прекрасные черты. М.: Эксмо-Пресс, 1999. 464 с.

Литература

4. Аведова И. Жанровая система поэзии Б. Ахмадулиной: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 189 с.
5. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
6. Бизэ А. Историческое развитие чувства природы: пер. с нем. СПб.: Русское богатство, 1890. 392 с.
7. Галанов Б. Е. Живопись словом: Человек, пейзаж, вещь. М.: Сов. писатель, 1972. 184 с.
8. Жидков В. С., Соколов К. Б. Искусство и картина мира. СПб.: Алетейя, 2003. 464 с.
9. Маслеева Д. А. Диалог поэтических миров: Белла Ахмадулина – Марина Цветаева // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2014. Вып. 2. С. 176–178.
10. Михайлова М. С. Поэзия Беллы Ахмадулиной: динамика лирической книги: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2008. 24 с.
11. Орлицкий Ю. Б. Особенности стихосложения Беллы Ахмадулиной // Художественный мир Беллы Ахмадулиной: сб. ст. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2016. С. 23–31.
12. Остапенко И. В. Пейзажный дискурс и картина мира: флористика в художественной системе Беллы Ахмадулиной // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: Филология. Социальные коммуникации. 2012. Т. 25 (64). № 1. Ч. 1. С. 335–342.
13. Павловец М. Г. Творчество Беллы Ахмадулиной в школьном освещении // Художественный мир Беллы Ахмадулиной: сб. ст. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2016. С. 122–127.
14. Пахарева Т. А. Творчество Беллы Ахмадулиной и лингвоцентрическая поэтическая парадигма // Художественный мир Беллы Ахмадулиной: сб. ст. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2016. С. 4–13.
15. Плужникова Д. М. Поэтика соматизмов в творчестве Беллы Ахмадулиной: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Белгород, 2017. 207 с.
16. Романова Г. И. «Картина мира» и «мир произведения»: к разграничению понятий // Неклассические модели мира в русской литературе: сб. науч. ст. / под ред. А. В. Громовой. М.: Инженер, 2017. С. 9–19.

17. Саводник В. Ф. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1911. 211 с.
18. Северская О. И. Соловьи слов у рек речей (образы слова, речи и языка в поэзии Беллы Ахмадулиной) // Художественный мир Беллы Ахмадулиной: сб. ст. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2016. С. 73–87.
19. Хлыстова А. В. Инновационные методы анализа суггестивной образности художественного текста // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. С. 32–36.
20. Щемелева Л. М. Пейзаж // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 272.
21. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. шк., 1990. 303 с.

References

Istochniki

1. Axmadulina B. A. Soch.: v 3 t. T. 1: Stixotvoreniya: 1954–1979. Perevody` iz gruzinskoj poe`zii. Rasskazy`. M.: Pan; Korona-print, 1997. 630 s.
2. Axmadulina B. A. Soch.: v 3 t. T. 2: Stixotvoreniya 1980–1996. Perevody`. Vospominaniya. M.: Pan; Korona-print, 1997. 638 s.
3. Axmadulina B. A. Druzej moix prekrasny`e cherty`. M.: E`ksmo-Press, 1999. 464 s.

Literatura

4. Avedova I. Zhanrovaya sistema poe`zii B. Axmadulinoj: dis. ... kand. filol. nauk. Tver`, 1999. 189 s.
5. Arutyunova N. D. Yazy`k i mir cheloveka. M.: Yazy`ki russkoj kul`tury`, 1999. 896 s.
6. Bize` A. Istoricheskoe razvitie chuvstva prirody` / per. s nem. SPb.: Russkoe bogatstvo, 1890. 392 s.
7. Galanov B. E. Zhivopis` slovom: Chelovek, pejzazh, veshh`. M.: Sov. pisatel`, 1972. 184 s.
8. Zhidkov V. S., Sokolov K. B. Iskusstvo i kartina mira. SPb.: Aletejya, 2003. 464 s.
9. Masleeva D. A. Dialog poe`ticheskix mirov: Bella Axmadulina – Marina Czvetayeva // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istoriya i filologiya. 2014. Vy`p. 2. S. 176–178.
10. Mixajlova M. S. Poe`ziya Belly` Axmadulinoj: dinamika liricheskoy knigi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Krasnoyarsk, 2008. 24 s.
11. Orliczkij Yu. B. Osobennosti stixoslozheniya Belly` Axmadulinoj // Xudozhestvenny`j mir Belly` Axmadulinoj: sb. st. Tver`: Izd-vo Mariny` Batasovoj, 2016. S. 23–31.
12. Ostapenko I. V. Pejzazhny`j diskurs i kartina mira: floristika v xudozhestvennoj sisteme Belly` Axmadulinoj // Ucheny`e zapiski Tavricheskogo nacional`nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser.: Filologiya. Social`ny`e kommunikacii. 2012. T. 25 (64). № 1. Ch. 1. S. 335–342.
13. Pavlovicz M.G. Tvorchestvo Belly` Axmadulinoj v shkol`nom osveshhenii // Xudozhestvenny`j mir Belly` Axmadulinoj: sb. st. Tver`: Izd-vo Mariny` Batasovoj, 2016. S. 122–127.

14. Paxareva T. A. Tvorchestvo Belly` Axmadulinoj i lingvocentricheskaya poe`-ticheskaya paradigma // Xudozhestvenny`j mir Belly` Axmadulinoj: sb. st. Tver`: Izd-vo Mariny` Batasovoj, 2016. S. 4–13.
15. Pluzhnikova D. M. Poe`tika somatizmov v tvorchestve Belly` Axmadulinoj: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Belgorod, 2017. 207 s.
16. Romanova G. I. «Kartina mira» i «mir proizvedeniya»: k razgranicheniyu ponyatij // Neklassicheskie modeli mira v russkoj literature: sb. nauch. st. / pod red. A. V. Gromovoj. M.: Inzhener, 2017. S. 9–19.
17. Savodnik V. F. Chuvstvo prirody` v poe`zii Pushkina, Lermontova i Tyutcheva. M.: T-vo «Pечатnya S. P. Yakovleva», 1911. 211 s.
18. Severskaya O. I. Solov`i slov u rek rechej (obrazy` slova, rechi i yazy`ka v poe`-zii Belly` Axmadulinoj) // Xudozhestvenny`j mir Belly` Axmadulinoj: sb. st. Tver`: Izd-vo Mariny` Batasovoj, 2016. S. 73–87.
19. Xly`stova A. V. Innovacionny`e metody` analiza suggestivnoj obraznosti xudozhestvennogo teksta // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy`ka. Yazy`kovoe obrazovanie. 2014. S. 32–36.
20. Shhemeleva L. M. Pejzazh // Literaturny`j e`nciklopedicheskij slovar` / pod obshh. red. V. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolaeva. M.: Sov. e`nciklopediya, 1987. S. 272.
21. E`pshtejn M. N. «Priroda, mir, tajnik vselennoj...»: Sistema pejzazhny`x obrazov v russkoj poe`zii. M.: Vy`ssh. shk., 1990. 303 s.

A. A. Kinash,
G. I. Romanova

Landscape Vocabulary in B.A. Akhmadulina's Poetry as a Carrier of Author's Individual Connotations

The article presents a set of structural and semantic features of landscape vocabulary as the key component of the poetic world of B. Akhmadulina's lyrics. The review is devoted to the special characteristics of landscape vocabulary. The article regards the principles of its differentiation by semantic and stylistic features, taking into account the textual expansion of the word meaning.

Keywords: B. Akhmadulina; lyrical subject; world picture; landscape; vocabulary.